

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (64)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (64)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Шершнева Е.А., Дашковский П.К. *

Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: dashkovskiy@fpm.asu.ru (Дашковский П.К.); d2703@yandex.ru (Шершнева Е.А.)

МУСУЛЬМАНСКИЕ МЕЧЕТИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается проблема строительства мечетей в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. в рамках правового поля Российской империи. Авторы обращают внимание на особенности данного региона как ссыльного края, где активность культового строительства придается на начало XX в. — период увеличения числа переселенцев. На основе фактического материала установлено, что несмотря на начавшиеся преобразования в стране мусульмане испытывали ряд затруднений при получении разрешений на культовое строительство в регионе.

Ключевые слова: Оренбургское магометанское духовное собрание, культовое строительство, мусульмане.

Российское государство на протяжении многих столетий складывалось как поликонфессиональное политическое образование, где особая роль отводилась Русской православной церкви, получившей статус государственной конфессии. Однако правительство не забывало и о представителях других вероисповеданий, наделяя их определенным объемом прав, привилегий и накладывая ограничения согласно их правовому статусу. Таким образом, все конфессии на территории Российской империи по основному закону были разделены на четыре иерархические ступени: господствующую конфессию (православие), «признанные терпимые» (католики, протестанты, иудеи, мусульмане и буддисты), «терпимые непризнанные» (старообрядцы) и «непризнанные», к которым относились хлысты, скопцы и прочие сектанты. Законодательство Российской империи предусматривало некоторые свободы относительно представителей инославного и иноверного вероисповедания и позволяло им отправлять культы в соответствии с законом [Свод законов..., 1857, т. 1, с. 10–11]. Именно на основе религиозной принадлежности власти Российской империи старались упорядочить жизнь своих подданных [Верт, 2012, с. 5]. Правительство в каждом своем подданном видело религиозного человека, тем самым права отдельной личности в государстве были неотделимы от прав религиозной общины.

Во второй половине XIX в. особое внимание со стороны правительства и в системе российского законодательства начинает уделяться окраинам империи и положению народов, там проживающих. Проводившиеся в этот период реформы, направленные на модернизацию российского общества, касались и территории Сибири [Тычинских, Федотова, 2023, с. 519]. Несмотря на то что Енисейская губерния была наименее заселенной из всех сибирских губерний, данные реформы затронули и ее, а главное — «инородческое» мусульманское население региона, численность которого в это время активно возрастала.

Увеличение численности мусульманского населения в регионе требовало от правительства участия в организации духовной жизни данной категории населения Енисейского края. Особое внимание мусульмане уделяли созданию мечети, так как появление культового здания свидетельствовало о легализации мусульманской общины и способствовало сохранению культурной и религиозной самоидентификации в поликонфессиональном регионе. Мусульманская мечеть не только являлась местом совершения богослужебных обрядов, но и выполняла административные функции в жизни уммы. В связи с этим важно обратиться к изучению проблем, связанных с получением разрешения на строительство и функционирование культовых объектов представителями исламской традиции в Енисейской губернии. Цель статьи — оценить правовое положение мусульманских мечетей во второй половине XIX — начале XX в. на территории Енисейской губернии.

* Corresponding author.

Источниковой базой работы послужили нормативно-правовые документы, регламентирующие строительство культовых сооружений на территории Российской империи лицами, исповедующими ислам, а также архивные материалы, представленные прошениями мусульман Енисейской губернии, перепиской губернских ведомств и Оренбургского магометанского духовного собрания (далее — также ОМДС) по данному вопросу. Статья построена на методологических принципах историзма и объективности, позволяющих изучить процесс взаимодействия государственных органов с представителями исламской уммы на территории Енисейской губернии. Применение проблемно-хронологического и ретроспективного методов позволяет детально рассмотреть проблемы, связанные с возведением культовых сооружений мусульманскими общинами на территории Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.

Правовое регулирование мусульманского культового строительства на территории Российской империи

Распространение и укрепление исламской традиции в Енисейском крае приходится на XIX в. Именно к первой половине XIX в. относятся первые этнические поселения мусульман в Приенисейском крае. Более ранние упоминания, касающиеся представителей исламской культуры в регионе, несут эпизодический характер и связаны с появлением среднеазиатских купцов [Ярков, Старостин, 2021, с. 197–198; Шаяхметова, 2019, с. 238]. Однако даже редкие контакты с представителями исламской традиции требовали от государства в лице местных чиновников легализации положения первых на основании действующего законодательства Российской империи. Начиная с правления Екатерины II проявляется лояльное отношение к исламскому институту на государственном уровне. Отдельное место в этом процессе занимало возведение культовых зданий на территории, подведомственной Оренбургскому магометанскому духовному собранию. С первой половины XIX в. ответственными за строительное дело в регионе стали строительные и дорожные комиссии при губернских правлениях. В 1864 г. их функции были переданы в строительные отделения, образованные при губернских правлениях, подчиняющиеся Министерству внутренних дел [Загидуллин, 2005, с. 61].

Ранее, в 1744 г., на основе принятого закона были установлены нормы исламского храмового строительства, рассматривающие порядок устройства мечетей, которые разрешалось возводить только в моноконфессиональных селениях [Арапов, 2005, с. 132; Загидуллин, 2011, с. 138]. Кроме того, на основании принятого законодательства оговаривалось, что строительство мечетей в округе Оренбургского магометанского духовного собрания допускается «при наличии 200–300 душ мужского пола». Однако большая часть мусульманского населения страны проживала в поликонфессиональной среде, что затрудняло отправление религиозного культа и строительство мечети. В соответствии с указом от 23 августа 1756 г. были приняты правила строительства мечетей в поликонфессиональных поселках Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерний. Так, запрещалось строить мечети, если христиане и новокрещенное население составляли более 10 % населения поселка [Загидуллин, 2011, с. 138–139].

Мусульманам молитвенное здание было необходимо, так как считалось не только культовым сооружением, но и административным центром общины. Однако установленный законодательством норматив численности мусульманского прихода ограничивал их в возведении культового сооружения [Мавлютова, 2021, с. 203]. Следует также отметить, что мечеть в ряде поселков с компактно проживающим мусульманским населением являлась центром, вокруг которого сосредотачивалась не только религиозная, но и общественная жизнь общины. Именно мечеть выступала неким пространственным ориентиром. При этом мечеть строилась на месте, удаленном от всех строений, как правило, возвышенном и удобном [Титов, 2013, с. 255].

В правление Екатерины II указом 1773 г. провозглашается беспрепятственное строительство мечетей для мусульман России. Создание Оренбургского магометанского духовного собрания также способствовало организации мусульманских приходов и выстраиванию их диалога с государственными органами. Начиная с 1801 г. ОМДС стало выдавать губернским властям заключения на ходатайства о постройке мечети [Мавлютова, 2021, с. 202].

Значимым документом, регламентирующим постройку культовых зданий, являлся «Устав строительный». Согласно данному документу, культовые сооружения мусульман могли возводиться с разрешения светского и духовного начальства. Мечети могли сооружаться только по утвержденному проекту, однако четких указаний о размерах и объемах зданий документ не содержал. Не затрагивался в «Уставе строительном» и вопрос о возведении мечети в градостроительном пространстве. В циркуляре Министерства внутренних дел от 1865 г. (№ 2487) упомина-

лось о необходимости при строительстве культовых зданий иностранных исповеданий выбирать места, имеющие «некоторый простор». Такого рода рекомендации губернские власти трактовали по-разному [Загидуллин, 2005, с. 61]. Но несмотря на то что в Енисейской губернии, по статистическим данным на 1859 г., проживало население, исконно исповедующее ислам, молитвенных домов и мечетей в губернии не было [Список населенных мест..., 1864, с. 27–29].

С одной стороны, предоставляя некоторую свободу для отправления культовых потребностей достаточно значительной части своих подданных мусульманского вероисповедания, российское правительство, с другой стороны, ограничивало их в возведении культовых сооружений. При Николае I был установлен контроль над культовым строительством и внесены изменения в исламское зодчество. На основании указа от 29 мая 1829 г. был разработан и утвержден типовой проект мечети. С этого момента нарушение указа и возведение мечети по другому проекту означало возбуждение уголовного дела [Загидуллин, 2005, с. 62]. Создание типового проекта мечети объяснялось попытками регулирования застройки населенных пунктов со стороны государства.

В 1843 г. Министерство путей сообщения разработало несколько проектов типовых мечетей, которые сочетали в себе элементы мусульманской архитектуры, соединенные с традициями русского церковного строительства XVIII–XX вв. Именно образцовый проект мечети, объединивший элементы средневековой татарской мечети и русской церкви, получил распространение в середине XIX в. на территории Сибири [Монич, Манонина, 2015, с. 52–53, 57]. Данный проект был разработан на основании прошения Оренбургского магометанского духовного собрания. Несмотря на то что проекты были утверждены, существовали некоторые сложности, связанные с финансовой стороной дела у общины. Последовали прошения о разрешении строить мусульманские культовые здания по собственным проектам. Объяснялось это и тем, что мусульмане строили свои культовые здания на личные средства, поэтому имели право сами определять расходы, размер и внешний вид культового здания. Главное управление путей сообщения определило, что типовой проект может служить только для руководства. Таким образом, отношения между мусульманами и властями должны были строиться по общим правилам гражданской архитектуры, как и для православных. Лишь согласно указу от 17 декабря 1862 г. мусульмане получили разрешение строить мечети по собственным проектам, которые предварительно должны были пройти утверждение в строительном отделении губернского правления [Загидуллин, 2005, с. 63; 2007, с. 234–245].

Организация культового строительства в Енисейской губернии во второй половине XIX в.

Со второй половины XIX в. численность мусульманского населения в Енисейской губернии стала расти за счет переселенческого компонента. Если по данным на 1863 г. в Енисейской губернии проживало 600 мусульман [Памятная книжка..., 1865, с. 188], то согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г. мусульман в губернии насчитывалось уже 5027 [Первая Всеобщая перепись..., 1904, с. 50–51]. В первой половине XIX в. мусульманское население Енисейской губернии было преимущественно представлено ссыльными. Начавшиеся в стране экономические реформы привлекли в отдаленные районы, в том числе в Енисейскую губернию, переселенцев из Урало-Поволжского региона. Мигранты образовывали многонациональные поселки, в которых возникла потребность в отправлении разных религиозных обрядов [Шаяхметова, 2019, с. 238].

Как правило, культовые здания строились на общественные средства, но стали появляться и мечети, возведенные на средства жертвователей [Мавлютова, 2021, с. 203]. Сама община либо жертвователь, бравший на себя все расходы по строительству и содержанию культового здания, обращались в Оренбургское магометанское духовное собрание для получения разрешения на строительство мечети. Так, купцом 2-й гильдии г. Енисейска 3 мая 1865 г. на имя Оренбургского муфтия было направлено прошение, в котором он указывал, что в Енисейске проживает около 200 душ мусульманского вероисповедания и они нуждаются в мечети и назначении при ней духовного лица для удовлетворения религиозных потребностей. Следует, однако, отметить, что ОМДС, являясь по сути государственным учреждением, строго следило за соблюдением российского законодательства в отношении организации новых приходов. Так, опираясь на действующие законодательные нормы, высшее духовное учреждение мусульман потребовало от просителя предоставить весь объем необходимых документов, и в первую очередь проект и план мечети, которую следовало построить в Енисейске [ЦГИА РБ. Ф. 295, оп. 3, д. 6087].

Для получения разрешения на строительство культового здания мусульманским общинам требовалось продолжительное время, что подтверждает факт строительства мечети в г. Ени-

сейске. Несмотря на то что прошение о строительстве мечети мусульманами города было подано еще в 1865 г., Енисейское губернское правление только 9 марта 1892 г. направило на рассмотрение Енисейского губернатора копию с журнала губернского правления, где рассматривался вопрос о разрешении мусульманскому обществу города построить мечеть [ГАКК. Ф. 595, оп. 60, д. 191]. Лишь после этого на основании рассмотрения всех поданных документов мусульманской общине Енисейска удалось получить разрешение на строительство соборной мечети по представленному проекту.

Из анализа архивных данных мы можем сделать вывод, что не всегда действия губернских властей и духовных органов были согласованы в отношении вопросов возведения культовых сооружений мусульманского вероисповедания. Оренбургское магометанское духовное собрание 23 декабря 1892 г. обратилось в Енисейское губернское правление с просьбой сделать разъяснение волостным правлениям правил статей 260–265 «Устава строительного» [Свод законов Российской империи, 1857, с. 58]. Согласно действующему законодательству, приговоры о строительстве мечетей и молитвенных домов необходимо было направлять изначально в ОМДС с целью оценить финансовую возможность содержания культового сооружения, а также финансовую состоятельность общины для его строительства. Руководствуясь данными правилами, община должна была высылать планы с фасадами предполагаемой мечети [ГАКК. Ф. 595, оп. 2, д. 4381].

Такое пристальное внимание со стороны Оренбургского магометанского духовного собрания объяснялось возложенными на него функциями со стороны государства по контролю за благонадежностью вверенных ему общин, а также за их финансовым благосостоянием. Испытывая затруднения со средствами на собственное содержание, ОМДС в некоторых случаях препятствовало созданию новых приходов. Так, в 1886 г. в Енисейское губернское правление было направлено прошение от ОМДС о предоставлении сведений по количеству мусульман, проживающих в губернии. Данные сведения были необходимы для определения возможного количества приходов. При этом высший духовный орган интересовала общая статистика, а не духовные потребности мусульман, проживающих разрозненно в пределах данной губернии [Дашковский, Шершнева, 2020].

Оренбургское магометанское собрание играло достаточно важную роль в решении строительства мечетей на подведомственных ему территориях. В его обязанность входило решение вопросов, связанных с ремонтом существующих и возведением новых культовых сооружений. Строительство мечетей необходимо было также согласовывать с губернскими властями [Монич, Манонина, 2015, с. 52]. На основании всех предъявляемых к решению данного вопроса требований имам Енисейского магометанского молитвенного дома в 1897 г. направил в ОМДС рапорт о желании построить мечеть в г. Енисейске. Также было подано на имя Министра внутренних дел прошение о содействии с его стороны в получении разрешения на строительство культового здания мусульман в г. Енисейске [ЦГИА РБ. Ф. 295, оп. 6, д. 252]. В 1903 г. в Енисейское губернское управление поступил приговор и поименный список прихожан Енисейского молитвенного дома от ОМДС, где указывалось, что строительство мечети в Енисейске является необходимым [ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 5934, л. 1].

Однако, прежде чем дать такое разрешение, Оренбургское магометанское духовное собрание обратилось в Енисейское уездное полицейское управление с просьбой указать, какое количество мусульман мужского пола проживает в Енисейске и имеют ли они достаточное количество средств для достойного содержания и постройки мечети [Там же, л. 2–3]. В 1904 г. Енисейскому губернатору были направлены от Енисейского уездного полицейского управления рапорт, в котором указывалось, что на основании затребованных данных составлен поименный список постоянно проживающих в г. Енисейске мусульман, а также копия с журнала этого управления. В журнале отмечалось, что был рассмотрен вопрос о представлении ОМДС о возможности постройки в г. Енисейске мечети и образования самостоятельного прихода. Кроме того, было указано, что Енисейский полицейский пристав проверил все поданные документы и список с указанием возраста и социального положения мусульман, состоящих при Енисейском молитвенном доме. Было выявлено, что в списке есть ссыльнопоселенцы, которые только часть времени проводят в г. Енисейске, остальное же время работают на приисках. Однако, за исключением ссыльных и малолетних, общее число мусульман мужского пола составляло более 200 человек. Таким образом, на основании действующего закона они имели право претендовать на получение разрешения о строительстве мечети и образовании самостоятельного прихода. В результате рассмотрения дела пристав заключил, что противоречий ст. 156 «Строительного устава» он не видит [Там же, л. 4–6 об.]. В получении разрешения на строительство мечети принимал участие и епископ Енисей-

ский и Красноярский, который направил на имя губернатора бумагу, указывая, что так как мусульмане не могут повредить духовно-нравственному быту христиан, проживающих рядом с ними, то епархиальное начальство не возражает постройке мечети [Там же, л. 51]. Кроме того, обращалось внимание губернского начальства на то, что мусульмане должны выбрать имеющийся утвержденный план (с фасадом) мечети на основании действующего законодательства и направить его на утверждение в строительное отделение Енисейского губернского управления [Там же, л. 52 об.].

Таким образом, сама мечеть была построена только к 1906 г. По окончании строительства культовое здание было оценено младшим архитектором и признано годным для использования [ЦГИА РБ. Ф. 295, оп. 6, д. 252]. Данная мечеть стала уникальным объектом мусульманской архитектуры Сибири. Она сочетала в себе черты архитектуры Поволжья, а также эпохи эклектики и модерна. В образе минарета прослеживалось влияние архитектуры Турции и Египта. У данной мечети был возведен уникальный для Сибири минарет, достигавший высоты 28 м [Шахметова, 2019, с. 241].

Большинство мусульманских мечетей на территории Сибири строились в духе османской и казанской традиций. Однако под влиянием социально-экономических и климатических условий архитектура мечетей менялась, сохраняя основные канонические нормы исламской традиции. В большинстве населенных пунктов Сибирского края преобладали мечети нескольких типов — переносных юрт-мечетей, молитвенных домов, квартальных, пятничных (соборных) и поминальных кладбищенских мечетей [Монич, Манонина, 2015, с. 50–51].

Культовые сооружения со своей архитектурой позволяют говорить об этноидентификации населения страны в полирелигиозном и полиэтничном пространстве. Мусульманский мир за свою длительную историю сформировал несколько видов культовых и социальных построек, удовлетворяющих нужды религиозной общины. Среди них самыми популярными были квадратные мечети, отражающие традиции народной архитектуры [Умярова, 2021, с. 242]. Мечети, являясь центром социальной жизни мусульманской общины, способствовали сохранению этнической и конфессиональной идентичности в колонизируемом регионе. Большинство мечетей Енисейской губернии в начале XX в. были расположены в сельской местности [Старостин, Павлинова, 2016, с. 65].

Невзирая на всю значимость существования культового сооружения для мусульманских общин Сибири, они постоянно испытывали некоторые затруднения в получении разрешения на строительство. В 1888 г. мусульмане д. Преображенской Енисейской губернии обратились за получением разрешения на постройку мечети в губернские органы власти. В результате рассмотренного прошения и на основании действующего законодательства, несмотря на финансовую состоятельность общины, в строительстве мечети было отказано. Отказ был обоснован тем, что мусульмане должны были направить предварительно прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание [ГАКК. Ф. 595, оп. 2, д. 2275].

Подъем мусульманского культового строительства в Енисейской губернии

К началу XX в., несмотря на все затруднения, увеличение численности мусульманского населения в Енисейской губернии за счет переселенческого компонента приводит к активизации процесса строительства мечетей в регионе [Тычинских, Федотова, 2023, с. 524]. В начале XX в. в Енисейской губернии насчитывалось 13 мечетей [Старостин, Павлинова, 2016, с. 64], тогда как, по сведениям Енисейского губернатора А.П. Степанова, еще в 1830-е гг. на территории губернии не было ни одного культового мусульманского здания и не числилось ни одного муллы [Ярков, Старостин, 2021, с. 198].

Одной из основных сложностей, с которой сталкивалось мусульманское население Сибири, и в частности Енисейской губернии, являлся установленный норматив численности прихода. Именно недостаточное число прихожан затрудняло возведение культового сооружения, тем самым ущемляя малочисленные общины в праве удовлетворения религиозных потребностей под руководством духовного лица. Не имея своего культового здания, мусульмане ездили в ближайшую мечеть [Мавлютова, 2021, с. 203]. Однако даже объединение мусульман нескольких ближайших поселков не всегда позволяло соответствовать законодательным нормам, касающимся численности прихода. Так, в 1900 г. был составлен приговор мусульманами с Христорождественского Канского уезда, в котором указывалось на потребность в постройке мечети для решения духовных нужд общины. В приговоре сообщалось, что в с. Христорождественском и других прилегающих к нему деревнях Рождественской волости Канского уезда Енисейской губернии проживают мусульмане разных сословий. Общая численность их составляла 58 домохозяев, у которых в семьях насчитывалось 136 чел. мужского и 123 — женского пола.

При этом возрастной состав мусульман был различен. В приговоре также упоминалось, что в селе есть «моленный дом», построенный на собранные мусульманами средства. Однако местное начальство до вышестоящих распоряжений запретило пользоваться молитвенным домом. Пристав Канского стана указал, что согласно действующему законодательству предварительно следует обратиться с данной просьбой в Оренбургское магометанское духовное собрание, а не к губернскому начальству. Кроме того, согласно ст. 261 строительного устава, строительство культового здания мусульман допускалось при наличии прихожан не менее 200 душ мужского пола. Но из представленного документа можно видеть, что данная норма законодательства не была соблюдена. Нарушение еще одной законодательной нормы при составлении приговора заключалось в том, что доверителем от общества мусульман выступил ссыльнопоселенец, а это запрещалось Уложением о наказаниях [ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 3519]. Так как процедура получения разрешения на постройку мечети была очень длительной и сложной, мусульманские общины прибегали к самовольному строительству культовых зданий. Данный факт подтверждается самовольным строительством мечети в с. Рождественском Канского уезда [ГАКК. Ф. 595, оп. 6, д. 165].

Достаточно многочисленная мусульманская община проживала в самом губернском центре — г. Красноярске. Однако данная община не была достаточно финансово обеспеченной, что подтверждают архивные данные. 25 сентября 1906 г. в Красноярскую городскую думу было направлено прошение мусульман г. Красноярска о предоставлении им за счет казны участка для строительства молитвенного дома и школы при нем. Прошение к городским властям мусульманская община объясняла своим бедным положением. Относительно строительства и дальнейшего содержания прихода община заявила, что готова взять на себя все расходы [ГАКК. Ф. 161, оп. 2, д. 2452, л. 1–1 об.]. По собранным сведениям, в Красноярске общество мусульман состояло более чем из 300 чел., а детей школьного возраста (от 8 до 15 лет) насчитывалось 53. Городская управа полагала справедливым удовлетворить поданное мусульманами ходатайство, но не безвозмездно, а за незначительную арендную плату, отведя место под постройку молитвенного дома и школы во вновь образованных кварталах, около Радайкина моста, в размере около 160 кв. саж. [Там же, л. 4–4 об.]. На состоявшемся 6 ноября 1906 г. заседании Красноярской городской думы был заслушан доклад Комиссии о пользах и нуждах города. Комиссия посчитала, что указанное место соответствует назначению и предложила удовлетворить ходатайство мусульман — отвести в указанном городской управой месте участок от 220 до 240 кв. саж. Относительно арендной платы комиссия, приняв во внимание бедность членов мусульманской общины, высказалась против ее назначения. Объяснялось это также тем, что возбужденное ходатайство носило исключительно характер потребности в удовлетворении мусульманским населением города своих духовных нужд. В результате обсуждения данного вопроса городская дума постановила отвести мусульманскому обществу г. Красноярска в безвозмездное пользование под постройку и содержание молитвенного дома и школы участок земли 270 кв. саж. в указанном месте, отметив, что он должен строго соответствовать прямому назначению [Там же, л. 6–6 об.].

В соответствии с действующими законодательными нормами через Енисейское губернское управление в 1907 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание было направлено сообщение, что мусульмане г. Красноярска, более 200 душ, хотели построить мечеть, собрав для этого необходимую сумму. К тому же общество обязывалось в дальнейшем содержать культовое здание и духовное лицо при ней. Наряду с прошением в ОМДС был направлен проект мечети. В рамках рассмотренного дела было установлено, что участок под строительство мечети и школы мусульмане получают безвозмездно по решению губернских властей [ЦГИА РБ. Ф. 295, оп. 6, д. 1379, л. 1–5 об.]. В результате рассмотрения всех необходимых документов в 1907 г. мусульмане г. Красноярска получили разрешение на строительство мечети.

Для того чтобы ускорить процедуру получения разрешения на постройку мечети, мусульманские общины Енисейской губернии в начале XX в. неоднократно обращались в губернские органы власти с просьбой предоставить им типовой проект мечети и ее план. Данный факт объясняется также тем, что мусульманские общины Енисейской губернии не были достаточно финансово обеспеченными. Этот факт затруднял создание собственных проектов, требующих дополнительных финансовых вложений.

В 1913 г. Енисейскому губернатору от Куренко-Ошменского сельского общества было направлено прошение, в котором говорилось, что, желая приступить к постройке соборной мечети и с целью обращения в Переселенческое управление с просьбой о предоставлении пособия на ее строительство, община должна иметь утвержденный проект и план мечети. В связи с этим

члены общества просили выслать им типовой план и проект мечети, рассчитанный на 200 человек. В подтверждение своих слов мусульманская община направила полученное разрешение на постройку мечети [ГАКК. Ф. 595, оп. 59, д. 801, л. 1]. В справке становым приставом 4 стана Енисейского уезда Енисейской губернии указывалось, что мусульманской общине поселка Куренко-Ошменского разрешено построить мечеть, но с точным соблюдением ст. 158 и 159 «Устава строительного» [Там же. Л. 2].

В 1914 г. в Енисейское губернское управление Оренбургским магометанским духовным собранием была направлена переписка по ходатайству переселенцев поселка Соловухинского Енисейской губернии о постройке мечети и образовании самостоятельного прихода. В ходатайстве ОМДС обращало внимание губернских властей на тот факт, что общество хотело бы получить утвержденный типовой проект мечети и ее план, за который готово было заплатить [Там же. Д. 869].

Однако встречались случаи, когда мусульманская община желала утвердить собственный проект мечети, что являлось абсолютно законным. В сентябре 1915 г. первым отделением Енисейского губернского управления в строительное отделение этого управления был направлен документ, в котором говорилось о ходатайстве от крестьян мусульманского вероисповедания поселков Долговского и Бельского Енисейского уезда о дозволении им построить соборную мечеть и образовать самостоятельный приход. К поданному ходатайству мусульмане представили собственный проект мечети с просьбой его утвердить. Первое отделение Енисейского губернского управления просило строительное управление рассмотреть данный проект деревянной мечети на основании строительного устава [Там же, д. 909, л. 1]. Департамент духовных дел иностранных исповеданий направил уведомление Енисейскому губернатору, что не видит препятствий со своей стороны в отношении строительства мечети мусульманами поселков Долговского и Бельского и образования ими самостоятельного прихода.

В строительное отделение Енисейского губернского управления 29 декабря 1915 г. жителями села Ново-Казанского Ачинского уезда также было направлено прошение, в котором указывалось, что общество мусульман составило приговор о желании построить мечеть, и предоставлялся собственный проект будущей мечети. Мусульмане просили строительное отделение рассмотреть представленные ими документы и выдать разрешение на строительство мечети в их поселке [ГАКК. Ф. 595, оп. 6, д. 158, л. 1]. В данном приговоре ими было отмечено, что в связи с отсутствием у них мечети и духовного лица организация духовной жизни в поселке для них являлась крайне затруднительной [Там же, л. 4]. Обращаясь к нормам действующего законодательства, Енисейский губернатор через Ачинского уездного исправника передал мусульманской общине села, что необходимо предоставить гербовый сбор. Кроме того, обществу было рекомендовано обратиться с данным вопросом для начала в Оренбургское магометанское духовное собрание [Там же, л. 8].

В начале XX в., испытывая потребность в удовлетворении религиозных нужд, мусульмане стали чаще обращаться с прошениями на имя Енисейского губернатора о разрешении построить мечеть. Такое прошение было подано, например, в 1915 г. крестьянами д. Князевской Бирлюсской волости Ачинского уезда [Там же, оп. 13, д. 207].

Несмотря на реформы, касающиеся религиозной жизни российского общества [Полное собрание..., 1908, с. 257–262], Русская православная церковь по-прежнему занимала главенствующее положение. Статус государственной конфессии позволял ей вмешиваться в решение духовных вопросов других конфессий. 9 января 1916 г. в Енисейское губернское управление Оренбургским магометанским духовным собранием было направлено ходатайство от мусульман Шумбашского поселка Енисейского уезда о разрешении построить мечеть, так как на расстоянии 100 верст не было никаких культовых сооружений. ОМДС посчитало необходимым поддержать желание мусульманской общины в строительстве мечети [ГАКК. Ф. 595, оп. 6, д. 269, л. 1–1 об.]. Однако, несмотря на то что одобрение со стороны главного духовного органа мусульман было получено, губернские власти попросили Енисейское епархиальное управление рассмотреть возможность строительства мечети. Ориентируясь на ранее принятые и никем не отмененные законодательные нормы, необходимо было получить разрешение от епархиальных властей, которые оценивали, не будет ли построенная мечеть смущать христианское население, а также новокрещенных татар [Там же, л. 3–3 об.].

Заключение

Во второй половине XIX в. Енисейская губерния включается в процесс модернизации российского общества, который затрагивал практически все стороны жизни населения страны. Таким образом, в регионе, формировавшемся изначально во многом как ссыльный край, постепенно появлялось все больше переселенцев, в том числе представителей исламской традиции.

Мечеть для мусульман была не только местом отправления культовой практики, но и центром общественной жизни и свидетельством легализации положения общины. Если в начале XIX в. существовала возможность отказать в строительстве культовых объектов носителям исламской традиции в связи с их статусом ссыльных, то позднее увеличение свободного населения в регионе потребовало от властей решить вопрос удовлетворения религиозных потребностей мусульман. Принятие в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» и рост мусульманского населения в Енисейской губернии способствовали увеличению числа прошений в губернские органы власти, а также в Оренбургское магометанское духовное собрание о разрешении строительства мечетей в регионе. Однако, несмотря на послабления и активную позицию мусульманского населения Енисейского края, строительство культового здания оставалось делом достаточно сложным, требующим продолжительной переписки с чиновниками и участия Русской православной церкви. Все эти препятствия заставляли мусульман строить мечети, не дожидаясь получения официального разрешения. По-прежнему множество проблем для мусульман Енисейской губернии создавало соблюдение норм строительного устава, особенно положения, которое ограничивало строительство культового сооружения численностью прихода. Данный факт объяснялся принципами расселения мусульман в поликонфессиональной среде малонаселенного региона.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23-18-00117).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапов Д.Ю.* Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 132–137.
- Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Дашковский П.К., Шершнева Е.А.* Организации духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики второй половины XIX — начала XX вв. // Былые годы. 2020. № 55 (1). С. 250–257.
- Загидуллин И.К.* Исламское культовое зодчество в общеимперском правовом пространстве (XIX — начало XX вв.) // Вестник СамГУ. 2005. № 4 (38). С. 60–65.
- Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 415 с.
- Загидуллин И.К.* Некоторые аспекты институционализации мечетей Среднего Поволжья в общеимперском политико-правовом пространстве (середина XVIII — начало XX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. М.: Вост. литература, 2011. С. 138–160.
- Мавлютова Г.Ш.* Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 201–211.
- Монич Г.И., Манонина Т.Н.* Архитектура мечетей Томской губернии конца XIX — начала XX века // Вестник ТГАСУ. 2015. № 4. С. 49–61.
- Старостин А.Н., Павлинова Р.Н.* Мечети и имамы Восточной Сибири и Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX века: Попытка социо-исторического анализа // Ислам в Сибири: Вызов времени: Сборник докладов Междунар. науч. конф. Омск: Омский государственный технический университет, 2016. С. 63–69.
- Титов Е.В.* Организация пространства поселенческих комплексов татар Тарского Прииртышья // Вестник КрасГАУ. 2013. № 8. С. 253–259.
- Тычинских З.А., Федотова Д.Ю.* Социокультурная инфраструктура татарских сельских поселений Тобольской губернии в начале XX века // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 517–535.
- Умярова Л.Р.* Храмовая архитектура как форма репрезентации культурной идентичности и этнорелигиозного мифотворчества татар // Общество: Философия, история, культура. 2021. Вып. 3. С. 242–246.
- Шаяхметова А.К.* История распространения мусульманской культуры в Красноярском крае // Художественные традиции Сибири: Материалы Междунар. науч. конф. Красноярск: СГИИ им. Д. Хворостовского, 2019. С. 238–247.
- Ярков А.П., Старостин А.Н.* Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2021. 300 с.

ИСТОЧНИКИ

- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 2. Д. 2452.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 2. Д. 2275, 4381; Оп. 6. Д. 158, 165, 269; Оп. 8. Д. 3519, 5934; Оп. 13. Д. 207; Оп. 59. Д. 801, 869, 909; Оп. 60. Д. 191.
- Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 г. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865. 344 с.

Мусульманские мечети Енисейской губернии в правовом поле Российской империи...

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Кн. 73: Енисейская губерния. 185 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Гос. тип., 1908. Собр. III. Т. 25. 966 с.

Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1857. Т. 1. Ч. I. 1026 с.

Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1857. Т. 12. Ч. I: Устав строительный. 664 с.

Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. Дел, 1864. Вып. 51: Енисейская губерния. 74 с.

Центральный государственный архив республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087; Оп. 6. Д. 252, 1379.

Shershneva E.A., Dashkovskiy P.K. *

Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru (Dashkovskiy P.K.); D2703@yandex.ru (Shershneva E.A.)

Muslim mosques of the Yenisei province in the legal framework of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century

In this article, the functioning of Muslim parishes in the Elysee province in the second half of the 19th — early 20th centuries is being examined. The paper has been prepared using archival materials of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory and Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan, many of which are being introduced into scientific discourse for the first time. The archival materials are presented by petitions from Muslims of the Yenisei Province, and the associated correspondence from provincial departments and the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly. Based on the analysis of the source base, it has been established that the active construction of religious buildings on the territory of the Yenisei Province by Muslims only started in the beginning of the 20th century. Mosques performed not only a religious function for Muslims, but also a public institution uniting representatives of the Islamic tradition. Despite the fact that the community was obliged to cover all construction and maintenance costs itself, the process of obtaining such permissions was quite lengthy. For example, in the city of Yeniseisk, it took several years for the Muslim community to obtain the permission and build a mosque. The first petition for the permission to build a mosque in Yeniseisk was sent to the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in 1865, and the mosque itself was built only in 1906. To obtain the permission to build a religious building, the Muslim community had to prove its worth, both before provincial authorities and the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly. A separate decision on the possibility of building a mosque in the region was given by the diocesan authorities in order to establish the fact that a religious building built by Muslims would not infringe on the interests of the Orthodox population, as well as attract the newly baptized people. At the beginning of the 20th century, with the increase in the number of immigrants in the region, there was a discernible trend towards the larger number of Muslim communities in the Yenisei Province, and at the same time of the construction of mosques. Furthermore, during this period, there were certain relaxations in the requirements for religious construction for Muslims. However, all these changes, as well as active position of the Muslim population in the region still required lengthy correspondence with government officials, as well as spiritual departments, both of the Muslims themselves and the Russian Orthodox Church. One of the main problems, which remained intractable even in the beginning of the 20th century, was concerned with the compliance with norms of the Construction Charter regarding the size of the parish. The Yenisei Province remained being a multi-confessional region, where the Muslim community was not always dense.

Keywords: Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, religious construction, Muslims.

Funding. The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant “The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia” (project No. 23-18-00117).

REFERENCES

Arapov, D.Yu. (2005). The Muslim World in the Perception of the Upper Reaches of the Russian Empire. *Voprosy istorii*, (4), 132–137. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K., Shershnyova, E.A. (2020). The organization of the spiritual life of the Muslim population of the Yenisei province in the context of state-confessional policy of the second half of the XIX — early XX centuries. *Bylye gody*, 55(1), 250–257. (Rus.).

Mavlyutova, G.Sh. (2021). Islamic religious buildings in the Tobolsk province in the late XVIII — early XX century. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 55(4), 201–211. (Rus.).

Monich, G.I., Manonina, T.N. (2015). Architecture of mosques of Tomsk province of the late XIX — early XX century. *Vestnik TGSU*, (4), 49–61. (Rus.).

Shayahmetova, A.K. (2019). The history of the spread of Muslim culture in the Krasnoyarsk Territory. In: *Hudozhestvennye tradicii Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Krasnoyarsk: SGII imeni D. Hvorostovskogo, 238–247. (Rus.).

Starostin, A.N., Pavlinova, R.N. (2016). Mosques and Imams of Eastern Siberia and the Russian Far East in the Late XIX — early XX century: an attempt at Socio-historical analysis. In: *Islam v Sibiri: vyzov vremeni: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 63–69. (Rus.).

* Corresponding author.

Дашковский П.К., Шершнева Е.А.

Titov, E.V. (2013). Organization of the space of settlement complexes of Tatars of the Tarsky Irtys region. *Vestnik Kras-GAU*, (8), 253–259. (Rus.).

Tychinskih, Z.A., Fedotova, D.Yu. (2023). Socio-cultural infrastructure of Tatar rural settlements of Tobolsk province at the beginning of the XX century. *Nauchnyj dialog*, 12(1), 517–535. (Rus.).

Umyarova, L.R. (2021). Temple architecture as a form of representation of the Cultural Identity and Ethno-religious Myth-making of the Tatars. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, (3), 242–246. (Rus.).

Vert, P. (2012). *Orthodoxy, Non-Orthodoxy, Non-Faith: Essays on the History of Religious Diversity of the Russian Empire*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).

Yarkov, A.P., Starostin, A.N. (2021). *Islam from the Urals to Kamchatka in the panorama of centuries*. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Zagidullin, I.K. (2005). Islamic religious Architecture in the Imperial Legal Space (XIX — early XX centuries). *Vestnik SamGU*, 38(4), 60–65. (Rus.).

Zagidullin, I.K. (2007). *Islamskiye instituty v Rossiyskoy imperii. Mecheti v yevropeyskoy chasti Rossii i Sibiri*. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo. (Rus.).

Zagidullin, I.K. (2011). Some aspects of the institutionalization of mosques in the Middle Volga region in the general Imperial political and legal space (mid-XVIII — early XX century). In: *Volgo-Ural'skij region v imperskom prostranstve: XVIII–XX vv.* Moscow: Vostochnaya literatura, 138–160. (Rus.).

Шершнева Е.А., <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

Дашковский П.К., <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Сведения об авторах:

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Алтайский государственный университет, Барнаул.

About the authors:

Shershneva Elena A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul.

Dashkovskiy Petr K., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department, Altai State University, Barnaul.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 18.12.2023

Article is published: 15.03.2024